

Кондратий Рылеев

Стихотворения

Кондратий Федорович Рылеев
Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21119278

Содержание

Кондратий Рылеев	4
К временщику	5
А. П. Ермолову	7
Гражданское мужество	8
Я ль буду в роковое время	13
Стансы	14
К N. N.	15
Бестужеву	17
Иван Сусанин	18
Волынский	22
Державин	26
Примечания	31

Кондратий Рылеев

Стихотворения

(Лирика декабристов)

К временщику

(Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула – достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что-чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстями и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сани мне и в почестях моих?
Не сан, не род – одни достоинства почтенны;

Сеян! и самые цари без них – презренны,
И в Цицероне мной не консул – сам он чтим
За то, что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не знаю о своем ужасном положении,
Ты заблуждаешься в несчастном ослеплении,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он – что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

А. П. Ермолову

Наперсник Марса и Паллады!
Надежда сограждан, России верный сын,
Ермолов! Поспеши спасти сынов Эллады,
Ты, гений северных дружин!
Узрев тебя, любимец славы,
По манию твоей руки,
С врагами лютыми, как вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки
И, цепи сбросивши панического страха,
Как феникс молодой,
Воскреснет Греция из праха
И с древней доблестью ударит за тобой!..
Уже в отечестве потомков Фемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровию земля промокла
И трупами врагов удобрена!
Проснулись вздремавшие перуны,
Отовсюду храбрые текут!
Теки ж, теки и ты, о витязь юный,
Тебя все ратники, тебя победы ждут...

Гражданское мужество

Ода

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою броней,
Чело покойно, стройный стан,
И весь сияет красотою?
Кто сей, украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?
Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных,
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.
Одушевленные тобой,

Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды;
В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим:
Они благодетели им
И там, на стыд ареопагу.
Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш и Долгорукой:
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспаривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины
И вопль и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.
Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи
Так будет вождь, сквозь мрак времен,
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков
Ничто пред доблестью гражданской.
Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?
От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлись толпой...
Но много ль было Цицеронов?..
Лишь Рим, вселенной властелин.
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух и двух Катонов.
Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной,
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей

В совете бодрствует Мордвинов?
О, так, сограждане, не нам
В наш век роптать на провиденье
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вокруг шипит
Он наступил ему на выю.
Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.
Так в грозной красоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мгlistом:
Вкруг буря, град и гром гремит,
И ветер в ущельях воеет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,

Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

1823

Я ль буду в роковое время

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятых сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны.
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

Стансы

(К А. Б<естужеву>)

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей.
Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал.
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.
Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.
С тяжелой грустью, с черной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.
Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей...

К N. N.

Ты посетить, мой друг, желала
Уединенный угол мой,
Когда душа изнемогала
В борьбе с болезнью роковой.
Твой милый взор, твой взор волшебный
Хотел страдальца оживить,
Хотела ты покой целебный
В взволнованную душу влить.
Твое отрадное участие,
Твое вниманье, милый друг,
Мне снова возвращают счастье
И исцеляют мой недуг.
Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не стоит.
Полна душа твоя всегда
Одних прекрасных ощущений,
Ты бурных чувств моих чужда,
Чужда моих суровых мнений.
Прощаешь ты врагам своим,
Я не знаком с сим чувством нежным
И оскорбителям моим
Плачу отмщеньем неизбежным.

Лишь временно кажусь я слаб,
Движеньями души владею;
Не христианин и не раб,
Прощать обид я не умею.
Мне не любовь твоя нужна,
Занятья нужны мне иные:
Отраднa мне одна война,
Одни тревоги боевые.
Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

1824 или 1825

Бестужеву

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.
Моя душа до гроба сохранит
Высоких дум кипящую отвагу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к общественному благу!
В чью грудь порой теснится целый свет,
Кого с земли восторг души уносит,
Назло врагам тот навсегда поэт,
Тот славы требует, не просит.
Так и ко мне, храня со мной союз,
С улыбкою и с ласковым приветом
Слетит порой толпа вертлявых муз,
И я вдруг делаюсь поэтом.

Иван Сусанин

«Куда ты ведешь нас?.. не видно ни зги!
Сусанину с сердцем вскричали враги:
– Мы вязнем и тонем в сугробинах снега;
Нам, знать, не добраться с тобой до ночлега.
Ты сбился, брат, верно, нарочно с пути;
Но тем Михаила тебе не спасти!
Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушует,
Но смерти от ляхов ваш царь не минует!..
Веди ж нас, – так будет тебе за труды;
Иль бойся: не долго у нас до беды!
Заставил всю ночь нас пробиться с метелью...
Но что там чернеет в долине за елью?»
«Деревня! – сарматам в ответ мужичок:
Вот гумна, заборы, а вот и мосток.
За мною! в ворота! – избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрета.
Войдите – не бойтесь!» – «Ну, то-то, москаль!..
Какая же, братцы, чертовская даль!
Такой я проклятой не видывал ночи,
Слепились от снегу соколии очи...
Жупан мой – хоть выжми, нет нитки сухой!
Вошед, проворчал так сармат молодой.
Вина нам, хозяин! мы смокли, иззябли!
Скорей!.. не заставь нас приняться за сабли!»

Вот скатерть простая на стол постлана;
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи пред гостями,
И хлеб перед каждым большими ломтями.
В окончины ветер, бушуя, стучит;
Уныло и с треском лучина горит.
Давно уж за полночь!.. Сном крепким объята,
Лежат беззаботно по лавкам сарматы.
Все в дымной избушке вкушают покой;
Один, настороже, Сусанин седой
Вполголоса молит в углу у иконы
Царю молодому святой обороны!..
Вдруг кто-то к воротам подъехал верхом.
Сусанин поднялся и в двери тайком...
«Ты ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За полночь... а ветер еще не затих;
Наводишь тоску лишь на сердце родных!»
«Приводит сам бог тебя к этому дому,
Мой сын, поспешай же к царю молодому,
Скажи Михаилу, чтоб скрылся скорей.
Что гордые ляхи, по злобе своей,
Его потаенно убить замышляют
И новой бедою Москве угрожают!
Скажи, что Сусанин спасает царя,
Любовью к отчизне и вере горя.
Скажи, что спасенье в одном лишь побеге
И что уж убийцы со мной на ночлеге».
«Но что ты затеял? подумай, родной!

Убьют тебя ляхи... Что будет со мной?
И с юной сестрою и с матерью хилой?»
«Творец защитит вас святой своей силой.
Не даст он погибнуть, родимые, вам:
Покров и помощник он всем сиротам.
Прощай же, о сын мой, нам дорого время;
И помни: я гибну за русское племя!»
Рыдая, на лошадь Сусанин молодой
Вскочил и помчался свистящей стрелой.
Луна между тем совершила полкруга;
Свист ветра умолкнул: утихнула выюга.
На небе восточном зарделась заря,
Проснулись сарматы – злодеи царя.
«Сусанин! – вскричали, – что молишься богу?
Теперь уж не время – пора нам в дорогу!»
Оставив деревню шумящей толпой,
В лес темный вступают окольной тропой.
Сусанин ведет их... Вот утро настало,
И солнце сквозь ветви в лесу засияло:
То скроется быстро, то ярко блеснет.
То тускло засветит, то вновь пропадет.
Стоят не шелохнясь и дуб и береза,
Лишь снег под ногами скрипит от мороза,
Лишь временно ворон, вспорхнув, прошумит,
И дятел дуплистую иву долбит.
Друг за другом идут в молчаньи сарматы;
Все дале и дале седой их вожатый.
Уж солнце высоко сияет с небес
Всё глуше и диче становится лес!

И вдруг пропадает тропинка пред ними:
И сосны и ели, ветвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стену из сучьев сплели.
Вотще настороже тревожное ухо:
Все в том захолюстье и мертво и глухо...
«Куда ты завел нас?» – лях старый вскричал.
«Туда, куда нужно! – Сусанин сказал. —
Убейте! замучьте! – моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь: я спас Михаила!
Предателя, мнили, во мне вы нашли:
Их нет и не будет на Русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества любит
И душу изменой свою не погубит».
«Злодей! – закричали враги, закипев, —
Умрешь под мечами!»
«Не страшен ваш гнев!
Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело,
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»
«Умри же! – сарматы герою вскричали,
И сабли над старцем, свистя, засверкали! —
Погибни, предатель! Конец твой настал!»
И твердый Сусанин весь в язвах упал!
Снег чистый чистейшая кровь обагрила:
Она для России спасла Михаила!

ВОЛЫНСКИЙ

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни.
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни.
Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимую грозой,
Как покорители Казани.
Пусть удивляет... Но когда
Он все творит то из тщеславья
Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.
Глас общий цену даст делам,
Изобличатся вероломства
И на проклятие векам
Предастся раб сей от потомства.
Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Наград не ждет и их не просит,
И, забывая о себе,
Всё в жертву родине приносит.
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.
Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:
Он на него – как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!
И хоть падет – но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.
Вражда к неправде закипит
Неукротимая в потомках
И Русь священная узрит
Неправосудие в обломках».
Так, сидя в крепости, в цепях,

Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.
Стран северных отважный сын,
Презрев и казнь и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокий.
Свершил, исполнил долг святой.
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг запоров звон
И входит страж к нему суровый.
Проник – и, осенясь крестом,
Сказал: «За истину святую
И казнь мне будет торжеством!
Я мнил спасти страну родную.
Пусть жертвой клеветы умру!
Что мне врагов коварных злоба?
Я посвящал себя добру
И верен правде был до гроба!»
В его очах при мысли сей
Сверкнула с гордостью отвага;

И бодро из тюрьмы своей
Шел друг общественного блага.
Притек... увидел палача
И голову склонил без страха.
Сверкнуло лезвие меча
И кровью освятилась плаха!
Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью к родине дыша,
Да всё для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих – железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному неправосудью.

1821 или 1822

Державин

Н.И. Гнедичу

С дерев валится желтый лист,
Не слышно птиц в лесу угрюмом,
В полях осенних ветров свист,
И плещут волны в берег с шумом.
Над Хутынским монастырем
Приметно солнце догорало,
И на главах златым лучом,
Из туч прокравшись, трепетало.
Какой-то думой омрачен,
Младый певец бродил в ограде;
Но вдруг остановился он,
И заблестал огонь во взгляде:
«Что вижу я?.. на сих берегах,
Он рек, – для севера священный
Державина ль почит прах
В обители уединенной?»
И засияли, как росой,
Слезами юноши ресницы,
И он с удвоенной тоской
Сел у подножия гробницы;
И долго молча он сидел,
И, мрачною тревожим думой,

Певец задумчивый глядел
На грустный памятник угрюмо.
Но вдруг, восторженный, вещал:
«Что я напрасно здесь тоскую?
Наш дивный бард не умирал:
Он пел и славил Русь святую!
Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил.
Он долг певца постиг вполне,
Он свить горел венок нетленный,
И был в родной своей стране
Органом истины священной.
Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг,
Он так твердил любимцам трона:
«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно!
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно;
Что он орудье власти есть.
Всех царственных подпора зданий;
Должны быть польза, слава, честь
Вся мысль его, цель слов, деяний».
О, так! нет выше ничего
Предназначения поэта:
Святая правда – долг его,

Предмет – полезным быть для света.
Служитель избранный творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святей, высокий сан певца
Он делом оправдать обязан.
Ему неведом низкий страх;
На смерть с презрением взирает
И доблесть в молодых сердцах
Стихом правдивым зажигает.
Над ним кто будет властелин?
Он добродетель свято ценит
И ей нигде, как верный сын,
И в думах тайных не изменит.
Таков наш бард Державин был,
Всю жизнь он вел борьбу с пороком;
Судьям ли правду говорил.
Он так гремел с святым пророком:
«Ваш долг на сильных не взирать.
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять
И свято сохранять законы.
Ваш долг несчастным дать покров.
Всегда спасать от бед невинных.
Исторгнуть бедных без оков,
От сильных защищать бессильных».
Певцу ли ожидать стыда
В суде грядущих поколений?
Не осквернит он никогда
Порочной мыслию творений.

Повсюду правды верный жрец,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станет портить он сердец
И развращать народа нравы.
Поклонник пламенный добра.
Ничем себя не опорочит
И освященного пера
В нечестьи буйном не омочит.
Творцу ли гимн святой звучит
Его восторженная лира
Словами он, как гром, гремит,
И вторят гимн народы мира.
О, как удел певца высок!
Кто в мире с ним судьбою равен?
Откажет ли и самый рок
Тебе в бессмертии, Державин?
Ты прав, певец: ты будешь жить.
Ты памятник воздвигнул вечный,
Его не могут сокрушить
Ни гром, ни вихорь быстротечный».
Певец умолк – и тихо встал;
В нем сердце билось, и в волненьи,
Вздыхнув, он, отходя, вещал
В каком-то дивном исступленьи:
«О, пусть не буду в гимнах я,
Как наш Державин, дивен, громок,
Лишь только б мыслил про меня
Мой образованный потомок:
«Парил он мыслию в веках,

Седую вызывая древность,
И воспалял в молодых сердцах
К общественному благу ревность!»

1822

Примечания

К ВРЕМЕНЩИКУ. Направлено против всесильного фаворита Александра I графа Аракчеева (1769 – 1834). По словам Н. А. Бестужева, «это был первый удар, нанесенный Рылеевым самодержавию». Кимвальный звук. Кимвалы – музыкальный инструмент (тарелки). Сеян (ум. 31) – начальник гвардии в Риме, казненный за подготовку заговора против императора Тиберия. Марк Туллий Цицерон (106-43 до н. э.) – римский оратор и государственный деятель, в 63 г. до н. э. разоблачил заговор Люция Сергия Катилины (108-62 до н. э.). Гай Лонгин Кассий (ум. 41 до н. э.), Марк Юний Брут (85-42 до н. э.), Катон Младший или Утический (95-47 до н. э.) – поборники республики, борцы против диктатуры Цезаря. Селения лишил их прежней красоты. – Намек на военные поселения, созданные Аракчеевым.

А. П. ЕРМОЛОВУ. Написано в связи со слухами, что генерал Алексей Петрович Ермолов (1777-1861), пользовавшийся популярностью среди декабристов и намеченный ими в члены будущего временного правительства, назначается командующим армией, которая поддержит борьбу греков против турецкого владычества. Паллада – Афина, богиня мудрости и богиня-воительница. Феникс – волшебная птица, сгоравшая и возрождавшаяся из пепла. Фемистокл (ок. 514-449 до н. э.) – греческий политический деятель и пол-

ководец.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО. Посвящено графу Николаю Семеновичу Мордвинову (1754-1845), оппозиционно настроенному государственному деятелю, намечавшемуся декабристами в члены будущего временного правительства. Катоны: Катон Марк Публий Старший (234-149 до н. э.) – римский полководец и политический деятель и Катон Младший. Аристиды – здесь: мужественные и справедливые деятели. Аристид (540-467 до н. э.) – афинский политический деятель и полководец. Ареопаг верховное судилище Афинской республики. Никита Иванович Панин (1718-1783) и Яков Федорович Долгорукий (1659-1720) – либерально-дворянские государственные деятели, которых Рылеев считал политическими предшественниками Мордвинова. Аттила (ум. 453) – вождь гуннов, опустошавших Западную Европу. Бруты: Люций Юний Брут (VI – V вв. до н. э.) – легендарный создатель Римской республики и Марк Юний Брут.

«Я ЛЬ БУДУ В РОКОВОЕ ВРЕМЯ...» Рафаэль Риего-и-Нуньес (1785-1823) – вождь испанской революции 1820 г., казненный после ее поражения.

БЕСТУЖЕВУ. Хоть Пушкин суд мне строгий произнес... Имеется в виду критический отзыв Пушкина о «Думах».

ВОЛЫНСКИЙ. Волынский Артемий Петрович (1689-1740) – государственный деятель, кабинет-министр императрицы Анны Ивановны. Рылеев революционизиро-

вал облик Волынского в агитационных целях, заметно отступив при этом от фактов истории. Долгорукий Яков Федорович (1659-1720) – сподвижник Петра I, заслуживший репутацию смелого и независимого человека. Бирон – Эрнст Иоганн (1690-1772) – русский государственный деятель, фаворит императрицы Анны Ивановны.

ДЕРЖАВИН. Гнедич Николай Иванович (1784-1833) – поэт, переводчик, пользовался авторитетом у Рыльева и других декабристов.